

ПОПАДАНКА В ЦЫГАНКИ

- ДЕРЖИТЕСЬ, ЧЕРТИ, АЙ-НА-НЭ-

РИН ДИЛИН

18+

Рин Дилин
Попаданка в цыганку.
Держитесь, черти, ай-на-нэ!
Серия «Соединённые
Миры Рин Дилин», книга 2

*<https://litres.ru/73152923>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Когда меня сбила машина, мне было всего сорок пять лет. Я ещё была полна надежд повернуть свою жизнь к некому светлому будущему, накопить денег на шубу или поездку к морю. Для этих целей я даже накупила книг по саморазвитию и записалась на онлайн-курсы «Стань богатым и успешным, первое занятие бесплатно».

Но одно короткое - «бам!» - и вот, все мои бесхитростные мечтания размазаны тонким слоем по бурому от осенней грязи асфальту. «Какой ужасающий конец!» - успела уныло подумать я.

Хотя на самом деле вся эта фраза уместилась в угасающем сознании в одном-единственном ёмком слове, рифмующимся со словом «певец»...

Книга может упоминать употребление алкоголя и табака, и то, и другое вредит вашему здоровью. Возрастной рейтинг 18+

в связи с требованиями российского законодательства. Текст — художественный вымысел, не имеющий отношения к реальности.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	23
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	52
Глава 6	61
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Попаданка в цыганку. Держитесь, черти, ай-на-нэ!

Пролог

Когда меня сбила машина, мне было всего сорок пять лет. Я ещё была полна надежд повернуть свою жизнь к некоему светлому будущему, накопить деньжат на шубу или поездку к морю...

Для достижения этих целей я даже накупила книг по саморазвитию и записалась на онлайн-курсы «Стань богатым и успешным, первое занятие бесплатно».

Но одно короткое – «бам!» – и вот все мои бесхитростные мечтания размазаны тонким слоем по бурому от осенней грязи асфальту.

«Какой ужасный конец!» – успела уныло подумать я.

Хотя на самом деле вся эта фраза уместилась в утешающем сознании в одном единственном ёмком слове, рифмующимся со словом «певец».

К несчастью, тьма, окутавшая моё сознание, была недолгой. Почему к несчастью? Потому что почти сразу пришли ощущения. Те самые, когда отсидишь себе ногу. Только тут я почувствовала, что отсидела всю себя. Руки, ноги, лицо и всё остальное, что между ними. От яркости впечатления гла-

за распахнулись сами собой.

Много нелитературных выражений хотелось воскликнуть мне, но вместо них с губ сорвалось протяжное: «Ы-ы-ы!!!»

Склонившаяся надо мной заплаканная женщина в ужасе отшатнулась:

– Светлые боги! Что с нею?!

Я протянула к ней свои скрюченные руки и пожаловалась:

– Ыр-рыу-оу-ры! – что значило: «Помогите! У меня всё болит!»

Женщина забилась в рыданиях на груди у вполне ещё молодого мужчины:

– Он превратил нашу девочку в зомби!

– Я предупреждал вас, что душа вашей малютки улетела очень далеко. Тело уже зачленено. Возвращать душу в оболочку, которая находится в столь плачевном состоянии, будет очень проблематично. Но вы настояли несмотря ни на что! – возмущённо проговорил голос с другой стороны.

Я с хрустом и скрипом в шее повернула голову и увидела седоватого мужчину. Мигом смекнув, что именно он здесь главный Авиценна, я протянула свои скрученные ручки (почему они так похожи на детские?!) уже к нему.

«Дай обезболивающего, гад!» – но вместо этого опять: «Яа-ары-ыа-аоу!»

– О боги! – ещё громче завывала рыдающая женщина. – Дорогой! Это невыносимо! Прошу, уйдём скорее!

Судя по вытянувшемуся лицу Авиценны, и удаляющийся

женским рыданиям, эта парочка быстро нашла выход.

– Пойдите! А как же труп... зомби... ваша милая дочурка?! – не обращая никакого внимания на мои заунывные подвывания, он бросился следом. – Вы что же, не хотите её забрать?!

Я максимально осторожно вернула себя и свои верхние конечности обратно в горизонтальное положение. Прикрыла глаза и констатировала:

– Звездец, – о да, это слово выскочило изо рта просто идеально, без всяких там «ы-ы-ы».

Где-то рядом раздался громкий отрывистый смех, похожий на карканье старой вороны.

– А-ха-ха! Узнаю это словцо! Знала я одну сосланку, которая тоже его частенько использовала. Недолго, правда, пока её Инквизиторы не сцапали.

Глаза вновь распахнулись сами собой. От отдачи рот также распахнется. До хруста и с вывихом челюсти. Новая болевая волна произвела внутри такой фурор, что я незамедлительно поделилась впечатлениями:

– Едрить-колотить! – взывала я, пытаюсь своими скрюченными конечностями вправить лицо обратно.

– Да-да! – вновь раскаркался в смехе голос. – И это она тоже упоминала!

Я осторожно опустила руки. Все ткани в моём теле гудели и вибрировали, точно внутри поселился рой ос. Каждая клеточка кричала от боли, будто нанизанная на острое жало.

– Вот что, детонька, – прозвучал голос. – Как бы сейчас тебе ни было больно, постарайся встать. Так циркуляция жидкостей и энергии в теле восстановится быстрее.

Что ж, зерно истины в словах невидимки было. Потому что, как всем известно, когда отсидишь ногу, лучший способ избавиться от онемения и болезненных ощущений – это просто походить. К тому же, судя по всему, здесь мне помощи не дожидаться.

Преодолевая боль, я поднялась, села и огляделась.

Палатка не палатка, шатёр не шатёр – куда позволяла шея повернуть голову и посмотреть, везде были тканевые стены. Вход также загромождал плотный занавес. Значит, всё-таки шатёр.

«Начнём размышлять логически, – подумала я. – Первый вариант: бригаде скорой помощи, что крайне сомнительно, удалось-таки соскрести остатки моего мозга с асфальта. И теперь я лежу в коме в реанимации. Всё, что мне видится – это плод моего умирающего сознания. А боль можно объяснить тем, что коматозникам обезболивающих не дают, и страдания моего израненного тела прорываются в мои видения».

Объяснить, почему сознание настойчиво видело собственные руки-ноги маленькими, совсем детскими, я не могла. Видимо, мой свежий маникюр, застарелый шрам на коленке и вообще вся-вся та информация о том, как выглядит моё взрослое женское тело, остались на асфальте.

Я осторожно слезла с кушетки, покрытой разноцветным вязаным пледом. Ноги болели, дрожали, но держали.

– Поднялась? Молодец. Давай, шагай сюда, – послышался всё тот же голос откуда-то сбоку. – Иди на звук. Я здесь, ау.

Медленно переставляя свои одеревеневшие гудящие хо-дули, пошла на зов. Невидимка не умолкая продолжал меня подбадривать:

– Ага, правильно. Теплее, теплее, уже совсем горячо! Всё, дошла.

Я остановилась. Прямо передо мной возвышался прямо-угольной формы предмет, накрытый чёрной атласной тка-нью. Судя по форме, под тканью находился ящик или шкаф.

– Я здесь. Стягивай покрывало, ну? – нетерпеливо велели из-под ткани.

Я послушно дёрнула чёрный атлас. Как только ткань спа-ла, тотчас по глазам резануло ярким светом и заиграла му-зыка. Скрипучая и визгливая, точно из дешёвой музыкаль-ной шкатулки.

©Рин Дилин (2023г.)

Глава 1

Автоматон.

Под чёрной тканью оказался не ящик и не шкаф, а антикварный ярмарочный автоматон. Кажется, именно так называется застеклённая коробка-автомат со встроенной куклой-предсказательницей. Внутри этого кукла также имелаась. Обряженная цыганкой. Только отчего-то имела шедшие верх из лба острые рога и была выкрашена в красный цвет.

Крупной дугой надпись за её спиной сперва позмеилась в моих глазах незнакомыми символами, а потом сложилась в вполне читаемое: «Предсказательница будущего Зельда».

Ладони куклы-гадалки ожидаемо лежали на зелёном сукне возле внушительного хрустального шара. Чуть ниже, на деревянной стенке корпуса автоматона имелаась красная стрелка, указывающая на продолговатую прорезь для монет, а рядом располагалось ещё одно, большое круглое отверстие. Скорее всего, для получения карточки с предсказанием.

«Любопытно, – мысленно хмыкнула я, рассматривая куклу. – Из каких фильмов моё подсознание выудило сие творение?»

В моё захоlustье нечасто заезжали цирки-балаганы, а ярмарки устраивали и того реже. Разве что на ближайшем рынке всегда было полно квестов «Собери все оттенки картохи и выклянчи у продавца скидку», или весёлых стартов «Бегом

через рыбный к молочке и обратно, пока ты сама не стала пахнуть, как лежалая килька».

Но это не считается.

Музыка, с фальшивым треньканьем льющаяся из автомата, реально раздражала, отдаваясь в голове болезненными ударами в такт. Я поискала глазами, где автоматон выключается.

– Так-так-так! Подойди-ка поближе, дай тебя рассмотреть, – внезапно ожила рогатая кукла гадалки и резко наклонилась вперёд.

От неожиданности и испуга я отшатнулась и, не устояв на одеревеневших ногах, со всей дури хлопнулась на свою основную чакру призыва приключений. Также «отсиженные» ягодицы взвыли, будто я с размаху уселась на кучу ошетилившихся ежей.

Просто удивительно, как боль помогает справиться со страхом! Ещё мгновение назад чуть ли не насмерть перепуганная, я теперь со злым шипением и на одном только упорстве поднималась с пола лишь для того, чтобы выломать эту рогатую крашеную заразу из размалёванной коробки.

– Спокойнее, детонька, спокойнее, – взволнованно закрипела кукла. – Не стоит рубить с плеча! В конце концов, я пока единственная, кто может ответить на все твои вопросы и не сдать тебя Инквизиторам.

Я замерла. В душе зашевелились нехорошие предчувствия.

«Вот тут можно предположить второй вариант: я умерла и попала в Ад. На это явственно указывает рогатая гадалка-демоница. А цыганкой она наряжена потому, что меня будут карать за воровство. За тот стянутый в детстве шоколадный батончик из магазина, – я страдальчески закатила глаза к тканевому потолку шатра и мысленно взвыла:

«Но я же потом за него заплатила-а-а!»

Высшие силы до ответа не снизошли.

Я в очередной раз вправила себе лицо на место и сухим, словно потрескавшийся песок, хриплым голосом осведомилась:

– Где я?

– Плохой разговор лучше доброй ссоры! – оживилась гадалка. – Отвечу сразу: ты в другом мире. Видишь ли, в своём мире ты уже, скорее всего, умерла и отбыла в Межпространство. А мой сынуля, некромант недоделанный, взялся воскрешать дочку почтенных людей. Только в заклятии вместо слов «вернись-вернись» на аяккском языке произносил «приди-приди», идиот! Вот ты и пришла. Слава Белым Богам, хорошо хоть, всего-то сосланка явилась, а не кто-то похуже... какой-нибудь Проклятый Бог, к примеру... Эй! Ты куда?!

Мне надоело слушать скрипучий бред этой куклы. Будь я в Аду или другом мире, сейчас сама об этом узнаю.

Я подошла к тканевому пологу. Возле него босые ноги ощутимо лизнуло холодным сквозняком. Как-то не очень по-

хоже на Геенну Огненную... Я дёрнула ткань в сторону и взглядом упёрлась кому-то в район пупка. Вернее, ниже.

Гора-аздо, гораздо ниже...

Медленно поднимая глаза, я рассмотрела бугры мышц, зеленовато-серую кожу, нереально широкую грудную клетку, по-бычьей мощную шею и квадратную голову на ней. Квадратность голове придавала оттопыренная вперёд тяжёлая челюсть с торчащими изо рта вверх клыками. Чудище тарашило на меня свои глазища.

– Ы-ы-ы!!! – выдали мы одновременно с чудищем.

Я задернула перед ним полог и вернулась обратно к автомату, цокая по полу скрюченными пальцами ног и по-утиному переваливаясь на негнущихся ходилках.

– Забыла предупредить, детонька, – флегматично отозвалась гадалка на мою активную жестикуляцию. – На тебе классический детский погребальный саван. А наш орк, Шарот, жуть как покойников боится. Да и зомби тоже.

Я замерла, переводя дух.

«Ага, орк, значит, Шарот, значит. Да такого громилы покойники сами должны бояться. Шарахнет по земле кулачищем разок, половина кладбища раскопается и разбежится, таща с собой в подмышках гробы. А почему на мне детский саван?..»

Я только хотела задать гадалке этот вопрос, как внезапно увидела в боковом стекле автомата отражение девочки. Бледная, глазища перепуганные на пол-лица...

Личико, правда, перекошенное.

Я помахала девочке рукой и та повторила движение. Я ладонями поправила себе лицо и малышка снова отзеркалила меня.

– Я... ребёнок?!.. – с трудом прохрипела, отчего-то говорить становилось всё труднее и труднее.

– Вот мы постепенно и подбираемся к самым интересным вопросам, – сказала гадалка. – Да. Как видишь, мой сынуля, цыганский барон Илиган, случайно засунул твою душу в это детское тело. Пытаться вернуться обратно в свой мир не рекомендую: скорее всего, ты там уже мертва.

Вспомнив момент размазывания по асфальту, я поёжилась и нехотя согласилась с цыганкой. Лучше в детском теле здесь, чем раскатанным трупом по дороге там.

– Ты помнишь что-нибудь из своего прошлого? – поинтересовалась гадалка, и я утвердительно кивнула. – Так вот, забудь. Говори всем, что память потеряла.

На мои удивлённо вскинутые брови кукла пояснила:

– Все словечки, которые ты употребляла при овладении телом, я уже слышала от одной человечки. Была та человечка сосланкой. Иномирянка, пришедшая из Закрытого мира, в котором совсем нет магии. Таких, как она или ты, постоянно разыскивает Инквизиция и устраивает вам фееричное последнее огненное представление. Понимаешь, о чём я?

– Ко... – прохрипела я и вдруг к своему ужасу осознала, что не могу говорить. – Ко... – снова пыталась я.

– Правильно, отправят на костёр, – согласно кивнула кукла. – Что, связки отказали? Ещё бы, столько орать. Тебе после воскрешения вообще нельзя было несколько дней говорить. Ничего, восстановятся. Может быть. Ну-ка, давай посмотрим, какая у тебя магия. Клади руки на хрустальный шар.

Сильно погрузневшая, я подчинилась, положила ладони на прозрачную болванку. Лёгкая белёсая муть пробежала внутри шара и исчезла. Будто в чистую воду копнули молока.

– Ну-ка, подумай о чём-нибудь, – нахмурилась кукла, – какое-нибудь яркое впечатление.

Думала я недолго, лицо орка живо предстало у меня перед глазами, и мурашки побежали по коже. В шаре снова заволновалась лёгкая белёсая муть.

– Всё плохо, – трагично вздохнула цыганка, – всё настолько худо, что я даже без использования гадательного дара предскажу твоё будущее. Ты – стопроцентный жареный башкет на инквизиторском костре.

Я испуганно вопросительно захрипела.

– Видишь ли, – сложила руки на груди цыганка, – в наших магических мирах жителей вашего немагического мира называют сосланцами. В него насильно заключили людей, обладающих магическим даром хамелеона. Эти маги имели одну-единственную, но очень сильную способность. Они могли скопировать и использовать любую магию любого мира. Однажды эти маги восстали и попытались захватить власть,

попутно уничтожая целые народы тех, кто им пытался противостоять. Однако нашлись смельчаки, которые сумели создать барьер вокруг одного из миров и заманили туда почти всех магов с такой способностью и их последователей. Драконы отрезали этот мир от других. Только там, в этом мире, лишённого какой-либо магии, маги-хамелеоны потеряли свою способность. Вернее, дар-то у них не исчез, но использовать его они уже не могли. Копировать-то не с кого. Победившие маги называли себя Орденом Святой Инквизиции. С помощью драконов они стабильно посещали мир сосланцев, выявляя и уничтожая любого, у кого появляется хоть какой-нибудь дар к магии, чтобы хамелеоны опять не пробудились.

Рассказывала цыганка складно. Выходило, что средневековая инквизиция, объявившая охоту на ведьм, была ничем иным, как иномирским магическим Орденом Святой Инквизиции.

– Но и в наших мирах Инквизиция не оставила своих поисков. Здесь они уничтожают всех, у кого проявляется какой-нибудь нестандартный дар. Или, как у тебя, магия совсем отсутствует. Ну, не может в магическом мире, где магия течёт с потоками воздуха, родиться немагический ребёнок, понимаешь? Хоть чуть-чуть, но ты должна «фонить». То, что показываешь ты, – это остаточная магия умершей девочки, хозяйки этого тела.

Я понимала. Магия – это что-то вроде радиации, своеоб-

разный род энергии. Человек ест еду, пьёт воду и дышит воздухом. А если магия везде, то и человек наполняется ею.

– Х..? Х...? – прохрипела я, тыча пальцем себе в грудь и старательно вопросительно задрав брови к макушке.

– Хамелеон ли ты? – переспросила цыганка, и я утвердительно кивнула. – О, не беспокойся, конечно же, нет. Ты касалась моего магического шара и должна была тогда явить мою суккубскую магию. Вот, смотри, – цыганка положила свои кукольные руки на шар, и тот моментально почернел. Только внутри, в самом центре, клубилась красно-алая дымка. Моя жалкая белёсая муть и в сравнение не шла с этим.

– Но этого же не произошло, не так ли? Так что, скорее всего, нет, – рассмеялась кукла, но мне почудились в её голосе нотки неуверенности.

В следующее мгновение Зельда внезапно стала серьёзной и угрожающе наклонилась надо мной, засверкав алым светом из глаз:

– Но если вдруг ты что-то такое в себе заметишь, мой тебе совет – скрывай это! Если не хочешь испытать на себе все прелести в роли жаркого. Поняла?

Я быстро-быстро закивала головой в ответ.

– Хорошо, – удовлетворённо произнесла гадалка и перестала нависать надо мной, глаза куклы стали опять нормальными. – Давай подберём тебе новое имя. А то эти ваши сосланские имена звучат слишком непривычно. Оставить старое – это лишний повод привлечь внимание Инквизиции.

Я согласно кивнула. Потому как моё настоящее имя, а особенно фамилия, мне не особо нравились.

Анжелика Бормотуха.

Когда я училась в школе, детям даже не пришлось прозвище придумывать. Назвал просто по фамилии, и звучит уже обидно. Вот интересно, о чём думала моя родительница, называя свою кровиночку столь вычурным именем – Анжелика?

Начиталась популярного в то время одноимённого романа и надеялась, что однажды в наше захолустье проездом заглянет какой-нибудь заморский аристократ? А увидев юную Бормотуху, непременно влюбится-женится?

«Ох, уж эти мамы. Они всегда такие мамы», – мысленно вздохнула я, наблюдая за пассажирами Зельды над хрустальным шаром.

Моя матушка давно почилла, и в том мире не осталось никого, кто бы горевал обо мне. К своим сорока пяти я не обзавелась даже кошкой. Хотя трижды успела побывать замужем. После последнего мне пришлось вновь вернуть свою девичью фамилию. Потому как оставаться Задрищенко после развода мне не хотелось. Бормотуха показалась мне меньшим из зол.

– Готово, – закончив, сказала явно довольная собой гадалка. – Вот так будешь прокручивать и выбирать символы своего имени. А после я подберу тебе более-менее подходящее из наших. Понятно или ещё раз объяснить, для особо

одарённых, как пользоваться?

В шаре сиял символ, обозначающий первую букву алфавита. Принцип, который предложила Зельда, был схож с листанием картинок на смартфоне. Смахивай пальцем символы в сторону, и всё. Сущая ерунда для нашего технического мира. Я подошла и уверенно взялась за дело.

Неприятное различие миров обнаружилось сразу. Местный алфавит состоял из шестидесяти трёх букв-иероглифов, и, чтобы написать моё имя из восьми земных букв, требовалось подобрать более десяти иероглифов. И это только навскидку.

Поэтому, мгновение поразмыслив, я сократила своё имя до привычного «Лика» и ткнула в шаре нужные символы.

– Не густо, – хмыкнула Зельда, – коротенькое совсем. У нас клички для собак и то длиннее.

Я закатила глаза и презрительно фыркнула: твоё мнение забыла спросить. Это ты ещё фамилию мою нежную девичью не знаешь.

– Ладно-ладно, – хихикнула гадалка, – я пошутила. Предположим, что это домашний укороченный вариант. Так-с, посмотрим, что у нас тут имеется, – она снова заводила над шаром руками, и тот стал проецировать над собой строчки змеистых иероглифов.

Витиеватые имена начинались с «Лика». Фамилии не уступали в заковыристости. Я читала, морщилась, качала головой, и цыганка листала дальше. Внезапно всплыло имя, и

Зельда поторопилась его смахнуть в сторону.

– Одно мужское затесалось, – пояснила она.

Я не удержалась и пролистнула назад. Ликандр Меррелль. Было в этом имени что-то такое... Я несколько раз произнесла его про себя, пробуя на вкус.

Свобода раздолий, ветер в волосах и пляски с танцами у костра до самого утра. Кипучая молодость по жилам, огонь в глазах и вихри и музыки – вот что слышалось мне в этом имени.

Я радостно хлопнула в ладоши – это имя решительно мне подходит, беру!

– Понравилось? – скептически поинтересовалась Зельда, и я кивнула.

Цыганка так вздохнула, что будь у неё нормальное лицо, а не деревянное, сейчас бы сморщилось всё в недовольную кукульку.

– Но оно же мужское... Ладно ещё фамилия, но имя... выбери какое-нибудь другое.

Я закатила глаза и поцокала языком: темнота-а-а... Долго ли его сделать женским? Действуя пальцами, как на сенсорном экране, увеличила имя и ногтем подписала корявую закорючку в конце – «а».

– А... – непонимающе протянула Зельда, но тут до неё дошло: – А-а! Ликандра Меррелль!

Она радостно потёрла ладони, извлекая из них звук деревянной трещотки.

– Теперь дело за малым: суй в щель монету и вставляй в круглое отверстие левую руку.

Я недовольно приподняла брови и демонстративно сложила руки на груди.

– Ой, беда-а... Совсем шуток не понимаешь. Ладно, про деньги я пошутила. Но руку вставь. Иначе как я тебе именное клеймо сделаю? У нас без него никуда, вместо документов. С отлётом души девочки её именное клеймо исчезло, и теперь тебе нужно новое. Правда, это всё незаконно... Да и клеймо временное... Но ты же никому не скажешь, правда? Будешь нема как рыба? Держать язык за зубами, так сказать, хи-хи-хи...

«Святые помидоры! Избавьте меня от этого демонического деревянного юмора. Хорошо, что я не разговариваю, а то сейчас бы сказала этой рогатине пару ласковых. Да вот, боюсь, не видать мне потом своих документиков, как Зельде ног. Хорошо ещё, что она не читает мысли, и я могу костерить её, как хочу», – я злорадно улыбнулась и сунула ладонь в подходящую дырку на автомате.

– Что-то гаденькое обо мне подумала, да? – подозрительно спросила Зельда, и я сделала невинное выражение лица.

Для пушного эффекта округлила глаза и мягко укоряюще покачала головой. Мол, и не стыдно вам, тётенька, такую милоту в чём-то подозревать?

– Выживаемость у тебя, я смотрю, не в сравнение выше уровня магии. Хорошо, значит, не пропадёшь. Глядишь, так

и удастся тебе избежать инквизиторского костра, сумеешь дожить до седых волос, – удовлетворённо хмыкнула она. – Готова? Нет? А деваться уже некуда. Будет немного больно. Давай на счёт «три». И раз...

Глава 2

Запястье обожгло болью, и от неожиданности слёзы на-
вернулись на глаза.

Я зло уставилась на Зельду: ты же сказала на счёт «три»!
Но она невинно развела ладонями. Мол, а ты чего ожидала
от гадалки-демоницы?

Я весело фыркнула: «Вот шельма!» – и посмотрела на ру-
ку. На запястье красовался небольшой круг из иероглифов
увитый узорами.

«Ликандра Меррелль», – с удовольствием прочитала я.
Куча блёсток и никакой Бормотухи.

Зельда тоже с интересом разглядывала результат, свесив-
шись и чудом не выпадая из своей коробки.

– Хорошо получилась, – довольная собой, сказала она. –
Эх, сюда бы ещё приставку «ди», как у знатных горожан. Ли-
кандра ди Меррелль – хорошо звучит! Ну, ладно. Так тоже
неплохо. К тому же лишнее внимание нам ни к чему, – я со-
гласно кивнула.

Полог шатра выгнулся дугой, впуская внутрь промозглый
влажный воздух. Снаружи над шатром загудел ветер, захле-
стал дождевыми каплями по бокам. На улице не на шутку
разыгрывалась непогода. Я шмыгнула носом, переступила
босыми ногами по стылому полу, обхватила себя руками и
потёрла, демонстрируя Зельде, что замёрзла.

– Нет, ну какая наглая сосланка мне на голову свалилась! Тебе палец дай, по локоть руку отхватишь, – наигранно недовольно проворчала она. – Ладно, вон в углу сундук стоит. Там поищи во что переодеться. Это мои старые вещи.

Дважды меня уговаривать не пришлось. Цокая по полу заледеневшими кончиками пальцев, подошла к сундуку, открыла и, не стесняясь, принялась перетряхивать содержимое. Подобрала себе юбку, широкий пояс и рубашку. Ботинки также имелись, но на взрослую ногу. На моих они будут смотреться лыжами. Нашлись и тёплые носки. Заметив на одном из них дыру, я продемонстрировала его Зельде.

– Мошь посёкла, – невозмутимо отозвалась она.

Ага, как же, мошь.

У меня было трое мужей, и у всех такая же проблема с мошью возникала.

Утром надел носки, а к вечеру уже «посёкла».

Ладно, сейчас не до жиру, главное – чистые, с дырой как-нибудь потом разберёмся.

– В прошлой жизни ты явно была женщиной. Мужчина в неизвестной ситуации всегда довольствуется малым: жив, и ладно. А тебе нет, тебе одёжку подавай, – хитро прищурилась кукла. – Хотя нет, то, что ты была женщиной, я определила сразу. Мужики без лишних разговоров сначала бы себе в трусы полезли проверять наличие своих причиндалов.

Я округлила глаза, задрала подол савана и тут же облегчённо выдохнула: лишние «канделябры» на детском теле от-

существовали.

– Хи-хи-хи, – противно рассмеялась Зельда. – Да нет там снизу у тебя ничего, успокойся. Впрочем, как и сверху. Пока ещё. Наверное, – уточнила она, намекая на отсутствие груди и вероятность их появления, и снова раскаркалась над своей шуткой.

Шутница, блин! Меня чуть кондратий не хватанул! Вдруг у них здесь в порядке вещей иметь оба набора «погремушек»?!

Но нет, пронесло.

Я продолжила рыться в сундуке. Вообще-то не густо у цыганки обстояло дело с вещами. Но оно и не удивительно, она же деревянная кукла. Зачем ей одежда? Странно, что хоть какая-то есть. Из тёплых вещей только пуховой платок. А из нижнего белья – белые панталоны. Даже не кружевные. Их брать я не рискнула. Всё-таки донашивать за кем-то нижнее белье, пусть и чистое, такое себе.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я сняла с себя погребальный саван, – это синяки на теле девочки.

То есть, теперь на моём...

Только любящие родители могли привести тело дочери в это место для сомнительного обряда воскрешения. Но тогда не сходится тот факт, что они бросились наутёк, как только обряд дал отличающийся от их ожиданий результат. Разве не логичнее было бы попытаться обратить его и смириться с гибелью дочурки? Ох, нижней чакрой чую, что не мамоч-

ка-папочка то были, совсем нет.

Когда я уже оделась и заканчивала сооружать из шерстяного платка что-то наподобие жилетки, в шатёр вошёл уже знакомый мне «Авиценна».

– Ох, и буря там разворачивается! Льёт, как из ведра, ветер так и хлещет, – он снял и принялся отряхивать свой цилиндр. Я увидела красующиеся на его голове рога, как у Зельды, только в разы меньше. Да и красный оттенок кожи у него был бледнее и почти скрывался под плотным коричневым загаром.

– А эти двое, представляешь? Рванули так, будто за ними наш прародитель гнался. Прыг в коляску и укатали. Знал же, что деньги нужно брать вперёд! – тут его взгляд упал на меня. – Ты ещё здесь, что ли, умертвие?

– А куда ж ей деваться-то? – ехидно хмыкнула Зельда.

Он решительно направился ко мне.

– Ну, это дело поправимое, – положил свою ручищу мне на голову, закатил глаза и протяжно завыл: – И-изы-ыди-и... Приказываю, ворвись в дезну, откуда ты приснилась...

Макушка налилась болью, и я наотмашь хлестнула его по руке, сбрасывая его ладонь со своей головы.

«Врываться в дезну» мне определённо не хотелось.

– Ха-ха-ха! Илиган, ты опять все слова переврал! Говорила тебе, учи аяккский, учи! Умнее будешь. Или хотя бы знать, о чём говоришь. Ты сам-то хоть понял, что сказал? В какую ещё дезну отправить хочешь?

«Авиценна» рассердился и схватил меня за грудки:

– Сдался мне этот твой аяккский! Всегда можно просто придушить, в случае чего.

Я злобной кошкой зашипела на него и задёргалась, пытаясь вывернуться из хватки и яростно размахивая руками. Ишь, чего удумал! Душить он меня собрался! Сейчас я тебя так отделаю, мало не покажется. Рога повывираю, демонюка ты краснокожая! Но руки были предательски по-детски короткими и никак не хотели дотягиваться.

– Оставь девочку в покое, – примирительно сказала Зельда. – Умей брать на себя ответственность. Сам призвал? Теперь всё, нянькайся.

Илиган зло повернулся на неё:

– Новую зверушку себе завела? Гляжу, уже и приодела? Пока я здесь барон, мне решать, кому оставаться, а кому нет!

Я сменила тактику защиты на нападение, извернулась и цапнула его за руку.

– Ах, ты ж... дьявольское отродье! – вскрикнул не столько от боли, сколько от неожиданности Илиган и отшвырнул меня от себя.

Я кубарем покатила по полу, но тут же вскочила на ноги и снова на него угрожающие зашипела.

– Да оставь ты её, – снова сказала Зельда. – Видишь же, что душа уже прочно в теле закрепилась. Теперь не развоплотить.

Он недобро ей ухмыльнулся и снова направился ко мне.

Самым безопасным местом мне показалась быть сейчас поближе к Зельде, и я попыталась прошмыгнуть мимо него к автоматону. Но Илиган оказался проворнее. Ухватил меня за шиворот, приподнял над полом и потряхнул, как котёнка.

Я снова отчаянно задёргалась и защёлкнула зубами, пытаясь до него дотянуться хотя бы чем-нибудь. Но в этот раз он не дал мне такого шанса.

– Злобная маленькая дрянь! Я сказал, чтобы духу твоего умертского здесь не было! Иди, ищи своих родителей, или кто они там тебе, – с этими словами он отдёргнул полог шатра и выбросил меня наружу. – Пш-шла вон!

Я извернулась в воздухе, приземлилась на ноги и чудом по инерции не завалилась вперёд и не пропахла землю носом. Обернулась и увидела, что вход в шатёр уже плотно зашторен.

С неба лил холодный дождь такими потоками, будто наверху кто-то во весь напор включил гигантский душ. Через мгновение я промокла до нитки, и благодатное тепло покинуло нехитрые обноски.

Вот же гад!

Никакого сочувствия. Разве можно в такую непогоду ребёнка на улицу вышвыривать? Подумаешь, чуть укусила. То же мне, неженка. Нечего было меня ручищами своими лапать.

Пусть радуется, что у меня в руках сковородки не оказалось. С ней бы я ему быстро объяснила, где раки зимуют. И с

какой заботой и пониманием нужно к девочкам относиться.

Из шатра тем временем доносились крики – голос Зельды, перешедший на ультразвук, и густой рычащий бас Илигана. Из-за шума ветра и дождя слов было не разобрать.

Но через секунду-другую голос гадалки стал тише, словно пробивался через вату. Я поняла, что Илиган или, как он назвался, барон, решил проблему спора очень просто – накинул на автоматон гадалки ткань. Как на клетку с крикливым попугаем.

Вот и всё. Заступиться за меня некому. Бессмысленно топтаться перед входом и ждать, когда рогач смилостивится.

А холод тем временем пробирал до костей нещадно. Нужно поискать укрытие, где можно было бы переждать ночь. Самое отвратительное в данный момент – это заболеть. Неизвестно, как у них тут обстоят дела с доступной медициной. Вполне возможно, её нет от слова совсем.

Откинув со лба мокрую прядь, я обхватила себя руками и лёгкой трусцой посеменила на поиски убежища. Тут и там стояли шатры, но размерами с большую палатку; повозки, похожие на домики на колёсах. От всех них тянуло уютом, теплом очага и готовящейся на нём пищи. Я замерла, раздумывая, стоит ли мне постучаться в одну из них и попроситься на ночлег? Но тут же отмела эту идею как бредовую.

Потому что, во-первых, незванный гость хуже татя. А во-вторых, можно было наткнуться на непредсказуемую реакцию. Не зря же их орк, как его там, Шарот, до трясушки бо-

ится мертвецов. Да и Илиган назвал меня умертвием. А с кем можно перепутать в ночной темноте мокрую бледную мычащую девчонку? Правильно, с последним.

Прибьют ещё со страху, доказывая потом, что ты не зомби.

Я шмыгнула носом и потрусила дальше. Самым большим сооружением был купол цирка. Этот громадный полосатый шатёр ни с чем не перепутаешь. За ним совсем близко блесст огнями город. Мысль о том, чтобы идти туда, я отмела сразу.

Только законченная идиотка пойдёт ночью в малознакомое место в неизвестном мире. Зомби-то ладно, пёс с ними. А вдруг у них там в тёмных переулках водятся маньяки? Извращенцы какие-нибудь?..

Нет, в город я обязательно пойду, но при лучах солнца.

Если мои так называемые папа-мама местные, то меня в городе должны знать. Возможно, натолкнусь на какого-нибудь друга семьи или соседку. Сделаю несчастное личико, закошу под дурочку, мол, голос-память потеряла, где живу, не помню, но очень домой хочу.

Глядишь, всё самой собой и устроится. А этот Илиган пусть тогда валит к своей демонической бабушке.

На душе у меня посветлело. Всё-таки когда-то есть план, что делать дальше, и на сердце не так пакостно становится. Мне всего-то и нужно, дождаться утра и не загнуться от холода.

Делов-то!

Со стороны основного циркового шатра донеслись рычание и что-то наподобие тревожного «аханья» кабарги. Я рассмотрела стоящие полукругом повозки-вагончики.

Зверинец! Ну конечно! Раз есть цирк, то должны быть и дрессированные звери. Это на Земле от такого варварства стараются отойти. Цирк без зверей – как показатель цивилизованности. Ну, а тут? Какая тут цивилизация? Дикое средневековье какое-то.

Здесь ночью детей на улицу вышвыривают, беспредел.

Я поспешила на звуки животных, надеясь найти вольер с кем-то вроде кроликов. И вместе с ними переждать под навесом дождливую ночь. Тем более, кролики мягкие и пушистые. Их можно сгрести в охапку, прижать к себе и уткнуться лицом в тёплую шёрстку. Главное, от обилия милоты не помереть.

В первой же клетке, к которой я жадно прильнула, меня совсем недобро встретила смесь саблезубого тигра и панголина. Вернее, он, скорее всего, был рад моему появлению, в качестве внеплановой кормёжке. Чешуйчатые пластины на его спине встали дыбом и загремели, как трещотка у гремучей змеи. Зверь жадно облизывался и пожирал меня глазами. Но кидаться в атаку не спешил, понимал, что меня от него защищает решётка. И, видимо, ждал, когда я сама к нему зайду.

Умная тварюшка. Нужно запомнить.

В другом вольере я никого не смогла рассмотреть. Лишь

громадный сгусток темноты с красными горящими глазами. Эта темнота захрапела при моём приближении, и через секунду между прутьев рядом с моим лицом резко высунулся блестящий, как сабля, рог. Или коготь.

С перепугу я не рассмотрела то, что буквально ещё пару сантиметров – и лишило бы меня глаза. Но судя по длине, возможно, и жизни.

Красные глаза плотоядно сверкали, создание находилось в непосредственной близости, его, пусть будет рог, по-прежнему торчал из решётки. Но я всё равно не могла его рассмотреть. Само воплощение тьмы, не иначе.

Судя по топоту, животное отступило, рог исчез в клетке, и из неё раздался громкий гневный трубный звук. Зверинец переполошился. Звери затопали по своим клеткам, завyli, заревели и затыкали.

Ой-ёй, сейчас прибегут работники цирка, и примут меня за похитителя редких видов!

Я заметалась в поисках укрытия. Перебегая короткими рывками от вольера к вольеру, ощупывала пространство перед собой вытянутыми руками: как назло, не видно ни зги! Ещё и дождь потоком заливал лицо, слепил, швырялся каплями в глаза...

Наконец я наткнулась ладонями на шероховатую поверхность досок. Обойдя строение по периметру, обнаружила, что с одной стороны доски отсутствуют и к нему не пристроен вольер. Осторожно направилась внутрь. Крыша у по-

стройки присутствовала и на удовлетворительную оценку защищала от ветра и дождя. Я сделала пару шагов, запнулась, запуталась в своих лыже-подобных ботинках и полетела щучкой вперёд, вытянув перед собой руки. Воткнулась я в кучу чего-то мягкого и колкого.

Похоже, мне повезло, и я нашла цирковой запас сена. Здесь отлично можно переждать ночь и непогоду.

Подобрав мокрый подол, я полезла на вершину стога и спустилась с другой стороны, где он одним блоком примыкал к дощатой стене. Не хотелось бы, чтобы меня с утра обнаружили рабочие. Разделась до рубашки, отжала и расстелила свои пожитки. Пусть сушатся. Снаружи их не должно быть видно. А сама принялась закапываться в ароматное сено. Завтра я пожалею об этом: сенная труха и пыль щедро прилипнут к важному телу, высохнут, и кожа станет нещадно чесаться. Но это будет потом, а сейчас мне хотелось согреться и отдохнуть. Я глубже зарылась в стог, укрылась сеном с головой и задремала.

Глава 3

Утро наступило для меня гораздо позже, чем я рассчитывала. Просыпаться категорически не хотелось. Но надо: ещё найдут меня тут.

Я высунула голову из сена, зевнула и несколько раз чихнула. Чихи отдались в мозгу звоном. В глаза будто песка насыпали, а носоглотка налилась отёчной тяжестью.

Вот блин, всё-таки заболела!

Определять время по солнцу я не умела, но навскидку уже было от десяти до двенадцати часов. Привстав повыше на стогу, глянула через широкие щели между досок. Судя по гомону цирк давно уже проснулся и люди занимались своими утренними бытовыми делами. В воздухе царили умиротворение и неспешность.

Скорее всего, труппа даёт только вечернее представление, и самая жизнь здесь начинается с наступлением вечерних сумерек.

Я, настороженно прислушиваясь и оглядываясь, торопливо принялась одеваться. Вещи не просохли и сохраняли в себе ещё лёгкую влажность. Радовало, что погода разъяснилась, и редкие облачка на небе обещали тёплый солнечный денёк.

«Так, Лика, – настраивала я себя на нужный лад, – ты теперь Ликандра Меррелль, житель этого мира. Всё необыч-

ное, что здесь увидишь, не должно тебя удивлять. Встреться хоть говорящий баран с двумя головами, делай вид, что так и должно быть. Старайся не разевать рот и не глазеть по сторонам. Смотри только на людей и ищи в их лицах узнавание себя любимой».

Я вспомнила, что Илигана можно отнести скорее к демонам, чем к людям, и сделала поправку в мозг: «и похожих на людей существ».

Крадучись, стала пробираться на выход. Перед входом на сеновал стояло в ведро с водой, а рядом с ним на земле был расстелен кусок мятой ткани, на котором стояла большая кружка, прикрытая сверху ломтём лепёшки. Я настороженно огляделась.

В зверинце никого из работников не наблюдалось. Звери источали сытое довольство и дремали в клетках. Кто-то их явно уже покормил. А значит, мог заметить и меня в стогу. Уж что-что, а на крепость сна я никогда не жаловалась. Всегда сплю так, что пушкой не разбудишь. Под лепёшкой в кружке обнаружилось молоко.

«Похоже, это орк Шарот подстраховался, – промелькнуло в голове. – Пытается накормить умертвие в виде меня, чтобы с голодухи на него не набросилась».

Мыслишка была гаденькой, но заботливый поступок орка тронул меня до глубины души. То, что это мог быть Илиган или кто-то другой, я отмела сразу.

Барон – самовлюблённый болван, а все остальные работ-

ники цирка сидели по своим шатрам-кибиткам из-за непогоды.

После воскрешения меня видел только орк.

Шарот же и мог заметить, что я просочилась в зверинец, когда барон выкинул меня на улицу. Так что, как ни крути, выходит он это, больше некому.

«А мне ведь в прошлой жизни ни один из моих трёх непутёвых мужей даже чая ни разу не сделал. Не говоря уже про какой-нибудь самый простецкий бутерброд. А тут серо-зелёный кракозябр и такая забота...» – я растроганно шмыгнула носом, откусила лепёшку и отпила из кружки.

Молоко непривычно ударило по рецепторам стойким животным послевкусием.

Фу-у, будто лично вымя у коровы облизала! Сразу чувствуется, без ГМО, натуральное, не из пачки...

Я поморщилась и продолжила пить, тут же заедая лепёшкой. На сердобольность орка вряд ли можно ещё рассчитывать, да и против барона он не пойдёт. Когда мне ещё выпадет возможность поесть, неизвестно. Так что тут не до приверед.

Лопай, пока и это не отобрали.

Покончив с завтраком, я решила умыться. Потому что в отражении воды из ведра на меня таращилось лохматое чудище.

Схватила тряпку, кружку, ведро и скрылась за углом постройки, где, как мне казалось, никто меня не увидит. Снова

разделась и, поливая тряпку водой, старательно стёрла с себя пыль и сенную труху. Особое внимание уделила «низам и верхам».

Низам, потому что на мне отсутствовало нижнее бельё и могло возникнуть раздражение. А верхам, потому что гораздо легче узнать в умытом ребёнке соседскую девочку, чем опознавать её в мычащем чумазом чудовище. Хорошо бы ещё причесать торчащие волосы, но без расчёски – что имеем, тем и пользуемся: как могла, пригладила руками.

Оделась и почувствовала себя намного лучше. Всё, готова идти на поиски непутёвых родственников.

Я вернулась к входу в сенник и осмотрелась. Шарота по-прежнему не наблюдалось. Что ж, ладно. Поставила пустое ведро, в него положила чистую кружку из-под молока, а мокрую тряпку повесила на край ведра, чтобы сушилась. Благодарствую, не поминайте лихом.

На окраине города возле низеньких и по-бедняцки скромных домишек играли дети. Я сбавила шаг и направилась к ним: вдруг узнают? Но ребятня при моём приближении, хоча и тыча в меня пальцами – чучело! – кинулась в притворном ужасе наутёк. Я недовольно поморщилась и ощупала руками свою шевелюру. Немного поразмыслив, сняла с себя шерстяной платок и накинула на голову, подвязав под волосами. Таким образом прикрыла им лохматый беспорядок и потопала дальше. Вошла в город и углубилась в кривые улочки.

Низенькие кособокие лачуги сменились стройными светлыми домиками с черепичной крышей. Сады с пышными цветниками и белыми заборчиками придавали им такой живописный вид, что хоть в открытку вставляй. Я задерживалась то возле одного, то другого, высматривала людей, ловила их взгляды и всё надеялась, что меня узнают. Но люди быстро отводили глаза или делали вид, что меня нет.

Негусто. Такими темпами я до темноты около дворов шататься буду и ничего путного не добьюсь.

«Перестань раскисать, Лика, и соберись! – мысленно одёрнула себя. – Пораскинь мозгами, где самая большая вероятность встретить соседа или знакомого? Правильно, вечером – на главной проминадной площади-улице, а утром – на рынке».

На душе тучи снова разошлись.

Всё верно, не нужно тратить время и околачиваться возле дворов. Любая уважающая себя хозяйка часто посещает продовольственный рынок. А особенно старушки. И дело даже не в свежей рыбке для любимого котика.

Рынок – это стратегически важный пункт обмена информацией. Туда женщины приходят узнать последние новости и посплетничать. Где, как не на рынке, велика вероятность встретить соседку, мамину подругу или просто общую знакомую?

Я пошла вперёд, углубляясь в городок и прислушиваясь: торговые места всегда окружают шум и гомон людей. Про-

давцы расхваливают свой товар, покупатели торгуются и спрашивают скидку.

Ближе к центру улочки были замощены булыжником. А дома двух-трехэтажными. Они плотнее жались боками друг к другу. Первые этажи в них, как правило, занимали мастерские, магазины и ремесленные. Всё чаще мне на пути стали попадаться вывески таверн, харчевен и пекарен. Это значило, что я двигалась в верном направлении.

И точно. Не сворачивая, я вышла напрямик на площадь с ярмарочными палатками. Люди толкались, гомонили и текли толпой между рядами. То тут, то там мелькали яркие цыганские юбки и платки. Если не брать во внимание странную смесь позапрошло-векового фасона в одежде на народе, то ничем от обычного рынка этот не отличался. Воздух здесь был насыщен ароматами зелени, овощей, фруктов, свежей рыбы и колбас.

Изредка в эту какофонию лёгкой ноткой втекал запах ванили и манил за собой в дальний угол рыночной площади.

Стараясь не отвлекаться на аппетитные благоухания, я нырнула в толпу. Передвигалась мелкими шажками и боялась оттоптать своими «лыжами» кому-нибудь ногу. При этом внимательно вглядывалась в лица.

Маневрировать даже не приходилось: люди сами выносили меня то к одному прилавку, то к другому. Покупатели мазали меня вскользь безразличными взглядами и с большим интересом рассматривали товар. Когда я, запутавшись в сво-

их ботинках, спотыкалась и рефлекторно хваталась за кого-нибудь, на меня хмуро шурились, хлётко скидывали со своей одежды мою руку и снова отворачивались.

Вот что это за отношение к ребёнку?! Они здесь что, почкованием делятся? Каждую неделю по десятку детей отпочковываются, или все сплошь и рядом чайлдфри? Почему никто не спросит: «Девочка, почему ты бродишь одна? Ты потерялась?»

Но нет, все настойчиво делают вид, что я – пустое место. Бродячий зверёк, не достойный траты их драгоценного времени...

Продавцы, те вообще поступали просто возмутительно. Поймав на себе мой жалобный взор, тут же метались глазами по своему столу, пересчитывая сложенный горками товар. Не найдя пропажи, они замахивались на меня то тряпкой, то полотенцем, отгоняя, как навозную муху.

Один дед даже попытался ударить меня клюкой по руке, когда я просто подержалась за прилавок. Больной на голову какой-то, а если бы попал?! Я успела отскочить и злобно на него зашипела. В ответ дед понёс на меня такую отборную брань, общий смысл который был: иди отсюда, оборванка.

Совсем ополоумел, старый осёл.

Я демонстративно сплюнула себе под ноги, показав ему всю глубину своего презрения, вздёрнула нос и гордо направилась прочь. Но, пройдя несколько шагов, снова сникла. Как показывали часы на городской ратуше, рыночный день

уже подходил к концу. Ещё пара-тройка часов – и площадь опустеет.

Продавцы начинали сворачивать торговлю, собирая товар, а меня никто узнавать не хотел. Вдобавок к «веселью» простуда всё сильнее наваливалась на меня, из носа текло, и я бесперебойно им шмыгала. Хотелось пить, есть и забиться в какое-нибудь тихое тёплое место, чтобы меня никто не трогал.

Я заметила с краю площади два прилавка и сложенные деревянные ящики между ними. Подошла и присела на один ящик с краешку. Подложила ладошку под щёчку, стала смотреть на рыночную площадь и грустить.

Дело шло к вечеру, делать было нечего. В смысле, деваться некуда. Пора озаботиться поиском ночлега, но я так устала и хотела есть, что ничего путного в голову не приходило.

Слева торговка какими-то сушёными травами всласть наговорила с покупательницей и, наконец, заметила меня.

– Эй, чего расселась? Давай-ка, двигай отсюдава!

Я скосила на неё глаза и, заметив в её руке всего лишь тряпку, отвернулась и сделала вид, что её нет.

– Ишь-ма, чё делается-то! Я тебе говорю, шагай отсель, ты мне всех покупателей распугаешь! – завелась старуха. – Малетра, шугани девчонку!

Малетрой оказалось торговка справа, чей прилавок был полон хлеба, плюшек и кренделей. Да и сама женщина была похожа на булочку, румяна и мягка формами.

Она мазнула по мне взглядом, обслуживая своих покупателей и проворчала:

– Да пусть сидит, никому ведь не мешает.

Видимо, склочная старуха в чём-то успела её достать. Я с благодарностью посмотрела на торговку, протяжно печально вздохнула и вернулась к созерцанию рыночной площади.

– Мне мешает, – не унималась бабка, – пусть идёт, откель пришла!

Я снова бросила косой опасливый взгляд на тряпку в руках старухи и передвинулась на ящик поближе к столу Малетры. А то с бабки станется, отходит почём зря.

Покупатели пекарши делали свои покупки, с интересом поглядывали на меня и уходили. Назревающий спектакль с изгнанием оборванки они считали не столь увлекательным, чтобы тратить на него время. Бабка ярилась, бурча, как старый генератор, но в наступление идти не решалась: я заняла стратегически верную позицию, пересев ближе к столу Малетры, и старухе могло влететь от пекарши, начни она размахивать своей тряпицей возле чужого румяного товара.

Приглядевшись к покупательскому спросу у обеих торговок, я поняла, какая чёрная кошка между ними пробежала. Товар Малетры был ходовой. Она еле поспевала рассчитываться с клиентами и выкладывать новые порции плюшек на стол. В то время как к бабке-травнице за время моего присутствия подошли всего два человека. Зависть была налицо. Но самой Малетре старуха высказать ничего не могла, вот и

срывала свою злость на мне.

– Ой, ну право слово! Оставьте вы девочку в покое, – наконец снова не выдержала пекарша бесперебойного бабкиного бухтения. – Может быть, она потерялась...

Я подобно собаке Павлова вскочила, преданно поймала взгляд Малетры и утвердительно кивнула.

Глава 4

– Чего смотришь? Ты потерялась? – не поняла пекарша.

Я снова кивнула.

– Врёт она всё, – ядовито фыркнула травница. – Я всех детей в нашем Ксансе знаю, ни у кого такой девочки нет!

Вот тут мне уже взгрустнулось не на шутку. Барон же говорил, что те двое «прыг в коляску и уехали», а это значит, что они вполне могли быть из другого городка.

– Она, скорее всего, с этим балаганом приехала, – продолжала брызгать ядом старуха. – Посмотри на неё, сразу видно – цыганка цыганкой.

Малетра успевала слушать её, обслуживать покупателей, и жалостливо поглядывать на меня. Удивительная женщина.

– Ты от своих отбилась? – сочувственно поинтересовалась она. – Чего головой качаешь? Говорить не можешь?

Я снова утвердительно кивнула.

– Что ты то киваешь, то машешь головой? Немая, что ли? – снова кивок, и до пекарши наконец-таки дошло. – Ой, бедненькая... – жалостливо протянула она.

Со стороны старухи снова послышалось ядовито-насмешливое фыркание, будто она собственными соплями подавилась:

– Слушай её больше! Это цыганское отродье тебе сейчас лапши-то на уши навесит! Её ж специально научили, как се-

бя вести нужно, чтобы больше подавали. И тебя, дурёху, облапошить хочет... а вот как раз доктор идёт! Сейчас-то мы тебя, маленькая дрянь, на чистую воду и выведем!..

К прилавку с выпечкой, и правда, подходил подтянутый седоватый мужчина с тростью в руке. Вид он имел такой, что иначе, как господином, его назвать язык не поворачивался. Именно так: к прилавку подошёл высокий седовласый господин с тростью.

Прямо как в романах.

И глаз он своих масляных с Малетры не сводил. В прямом смысле пожирал глазами эту «сдобную булочку».

Мне так и зудело ей сказать:

«Бери, девчуля, этого дядьку, он при деньгах и в постели наверняка ещё ого-го!» – но, к счастью, я немаю.

И язык мой больше не враг мне.

Я с вызовом посмотрела на травницу и презрительно передёрнула плечами. Мол, проверяй, если так хочется.

– Дир Агосто, дир Агосто! – не унималась старуха. – Проверьте девчонку, пожалуйста. Эта оборванка нашу Малетру облапошить хочет, на доброте её сыграть, Вот и скажите нашей золотосердечной, что обман это всё. Пусть гонит её прочь поганой метлой.

Мужчина посмотрел на травницу тем самым злым взглядом, которым обычно смотрит коммерческий стоматолог, когда очередной «лучший друг» просит бесплатно вылечить зуб.

– Действительно, дир Агосто, – мягко проворковала Малетра, – посмотрите девочку. Она немая. Неужели её немота не лечится? Жаль бедняжку...

Доктор моментально сменил личину злобного цербера на пушистого пёселя, радостно виляющего хвостом:

– Конечно-конечно, дорогая Малетра. И я вам уже говорил, называйте меня просто Рдо.

Пекарша порозовела щеками, игриво поправила локон, на секунду явив ему след от свеженького засоса, и в картинном смущении опустила глаза долу, демонстрируя пушистость своих ресниц. Тут уже доктор покраснел до самых ушей и с блуждающей по лицу глупой улыбкой повернулся ко мне.

Ой, как у этих двоих всё запущено-о... Отчего же мне кажется, что именно дир Агосто, не ранее как с утра, этот засос Малетре и поставил?

– Ну-с, юная леди, встаньте прямо и не двигайтесь. Больно не будет, я просто посмотрю, – обратился он ко мне и я подчинилась.

Руки у доктора были тёплые, ногти и кожа ухоженные. На внутренней стороне его левого запястья у него красовалась клеймо, как у меня.

Только у него было написано «Рдо дир Агосто», и блёстки отсутствовали.

Он сперва ощупал мои подчелюстные лимфоузлы, затем просто положил свои ладони мне на шею. Зелень в его глазах стала насыщенной до неонового цвета. Я скосила глаза и

увидела вокруг его ладоней зеленоватое свечение.

– Есть сильное нарушение в голосовых связках. Плюс воспалительный процесс из-за простуды, – сказал доктор и убрал от моего горла руки. Достал из кармана платок и вытер об него ладони. – Голос, возможно, восстановится. Надежда есть.

Старуха скривилась, Малетра рассыпалась в благодарностях, а я пребывала под впечатлением: просто человек-рентген какой-то!

Но доктор из Агосто так себе, конечно.

Меня точно так же вчера Зельда лекарствовала: «Голос вернётся, возможно, может быть».

Ничего нового он не сказал. Хотя, наверное, здесь вся бесплатная медицина такая – будет человек жить или нет, науке не ясно. Ясно станет после оплаты счёта.

– Ликандра Меррелль, – задумчиво произнёс дир Агосто. – Не припомню, чтобы в городе хоть кто-то жил с такой фамилией.

Услышав своё имя, я поняла, что он рассмотрел клеймо на моём запястье. Вздогнула и прикрыла его рукой.

– Дир Агосто... то есть Рдо, – мягко проворковала Малетра, наполняя булками бумажный пакет для него, – девочка, скорее всего, приехала с цирком. Да заплутала в городе. Я доторгую и провожу её.

Доктор кивнул:

– Только будьте сами осторожны. Скоро солнце скроется

за домами, и на улочках станет темно. Укажите ей просто направление и дальше центра не ходите. Вечером в проулках и на окраине бывает небезопасно.

Я ошалела: не, ну каков?! Взрослой бабе говорит – не ходи, опасно. А дитё пусть одно идёт, что ей сделается. Нормально?!

Он расплатился за покупку, немного помялся и добавил три маленьких медяшки:

– Это за булочку для девочки.

Малетра снова осыпала его комплиментами, а я скрижопопила на своём лице улыбку и сделала что-то вроде кривенького книксена. Дир Агосто остался доволен. Засиял сквозь надменную мину, точно начищенный таз. Он взял покупки, удовлетворённо хмыкнул, постучал себя по бедру тростью, словно размышляя над чем-то, сам себе кивнул и вальяжно аристократическим шагом направился в сторону ратуши.

Я взяла протянутую Малетрой булочку, уселась на край своего ящика и, стараясь не хватать полным ртом подобно голодной собаке, принялась вкушать её маленькими кусочками, жмурясь и урча от удовольствия. Покупатели подходили, с интересом поглядывали на меня, делали пекарше заказ, выслушивали печальную историю о несчастной девочке, расплачивались и уходили.

А меня с каждой минутой всё сильнее одолевали тревожные мысли. В городе, если верить противной старухе, мои, то

есть той девочки, чьё тело я заняла, родственники не проживают. А даже если бы они и нашлись, на моём запястье уже стоит клеймо с новым именем и фамилией. Непутёвая родня запросто может обвинить меня в мошенничестве и отдать в руки стражам порядка.

И что делать потом?

Бегать и кричать: «Спасите-помогите, меня Инквизиция на костре сжигает»?

Хотя нет, не получится. Постоянно забываю, что я немая. Да и спасать-то меня никто не ринется. Тут всем на детей плевать, сплошные чайлдфри.

Я отправила в рот последний кусочек булки и неэстетично вытерла пальцы о подол юбки. Сунула ладонь под щёку и снова принялась созерцать пустеющую рыночную площадь. Бабка-травница тоже засобиравалась домой. Положила на тележку свой нехитрый товар, пара минут – и она заскрипела ею прочь, прихрамывая и ковыляя.

Доктор был прав, солнце заходило за дома, и город погрузился в сумрак. На улочках, которые выходили к площади, уже притаилась темнота.

Мне нужно было решать, что делать дальше. Ночевать под каким-нибудь кустом на холодной земле – не лучший выход. Обратиться за помощью к страже и попытаться попасть в приют? Я поморщилась – тоже не вариант. В приюте могут замерить мой уровень магии и сдать куда следует.

Да и сомневаюсь, что детям там лучше живётся, чем на

улице под кустом, при местном-то менталитете.

Чем дольше я размышляла, тем сильнее у меня болела голова. Кажется, простуда к вечеру решила меня окончательно одолеть и свалить с температурой. Проблема была только одна – сваливать ей меня некуда. Хотя самой к Инквизиторам иди, там, возможно, хотя бы последним ужином накормят.

Как вариант, конечно, можно дожидаться темноты и снова пробраться в цирковой зверинец на сеновал. Ещё одну ночь, возможно, такой фокус пройдёт.

А дальше? Узнает барон и вышвырнет взашей. Или зверюшкам своим скормит: нет тела – нет дела. Меня ведь никто искать не будет.

Всё не то, мыслю не в ту сторону. Нужно идти к Илигану – да. Умолять, лгать, изворачиваться – делать всё, чтобы он приютил меня в цирке. Иначе одна я пропаду.

На худой конец, шантажировать его и Зельду. Обряд воскрешения и новое клеймо, как я успела понять, дела не особо законные, от слова совсем.

А раз так, действовать здесь нужно хитростью и коварством. Не пытаться рубануть сплеча: всё, граждане, мы с вами повязаны, а посему подать мне сюда еды, одежды, золота-бриллиантов и десяток мускулистых рабов...

Тьфу-ты, рабы-то мне зачем? Лет через пять если только пригодятся...

Опять не в те дебри полезла.

Нужно прийти, упасть в ноги барону: «Царь демонов,

Вельзевульчик ты мой яхонтовый! Лобызаю твои рожки-ножки, не вели казнить, вели слово молвить...»

Фу, аж самой противно стало. Но, по опыту, такому, как Илиган, должно понравиться. Но опять проблема – молвить-то я и не могу.

Это парнокопытное даже слушать моё мычание не станет, не то чтобы вникать в суть...

– Эй, девочка, уснула, что ли? – окликнула меня Малетра, и я вздрогнула, выныривая из своих тяжких дум. – Гляди, не твой ли брат там тебя дозваться никак не может?

Я перевела взгляд по указанному направлению. В относительной близости топтались трое мальчишек. Двое были невысокого роста, щуплые, подвижные и точно под копирку срисованные – близнецы. А один высокий, угловатый, с хмурым лицом, и было в нём что-то знакомое...

– Ликандра, – негромко позвал он, убедился, что я на него смотрю, мотнул головой, веля следовать за собой. И зашагал прочь с площади, даже не проверяя, иду ли я за ним.

Глава 5

А сынок-то в папу. Верно, вылитый Илиган. И что же от меня понадобилось цыганскому барону? Вечерок обещает быть интересным.

Я поднялась и кивнула на прощание доброй пекарше.

– Погоди, – засуетилась Малетра, – благодаря тебе я сегодня неплохо расторговалась. Добрые горожане оплачивали для тебя булочку-другую, но я подумала, что деньги тебе нужны больше. На вот, возьми.

Она сунула мне горсть медных монет. Я отказываться не стала, вытянула один конец своего пояса, сложила в него монетки и завязала их в «старушечий» узелок. Так они не рассыплются и не потеряются. Этот узелок, в свою очередь, подложила под обмотку пояса на талии, пряча в складках своё сокровище.

Пока я возилась с деньгами, Малетра сложила в бумажный пакет остатки булок и плюшек с прилавка.

– Раз тебя провожать уже не надо, возьми, чтобы мне обратно не тащить. До завтра они зачёрствеют, и я всё равно их своим свинкам скормила бы. А так ты брата с друзьями угостишь.

Я благодарно улыбнулась и сделала книксен, старательно шаркнув ножкой.

– Ой, какая ты воспитанная! – умилилась Малетра, всу-

чила мне огромный пакет, развернула и легонько толкнула в спину. – Ну, беги, догоняй, а то опять потеряешься.

Обожаю таких людей. Им даже ничего объяснять не нужно, всё сами за тебя надумают.

Я помахала ей на прощание и быстрым шагом стала нагонять ребят.

Угощать мальчишек я не собиралась. А вот чтобы подматься к Илигану, эти булки могли сослужить мне верную службу. Всё-таки не с пустыми руками мириться иду, а с подношением. Авось и сменит гнев на милость, демонюка рогатый, оставит при цирке.

Мир – дружба – жвачка. Только в данном случае булки.

Поглядывая вперёд на бодро шагающих мальчишек, я незаметно вытащила из пакета одну плюху и заснула её себе за пазуху. Мне не нравилось, что близнецы часто оборачиваются на меня, а вернее, прожигают голодными глазами мой пакет и что-то наушничают долговязому.

Может так стать, что их вовсе не Илиган послал, и ожидает меня наглый цыганский рэкет в ближайших кустах. А может, и нет. Но что от барона ждать, тоже неизвестно. Та булочка, что я съела, давно уже провалилась, и живот тихо недовольно рычал, требуя добавки.

«На лучшее надейся, а пожрать припречь» – гласит один из главных законов выживания.

А кто я такая, чтобы ему перечить? В конце концов, не всё же барону отдавать, нужно о себе позаботиться.

Ребята подождали, когда я их нагоню, и впихнули меня в проулок. С одной стороны стояла по виду заброшенная хижина с буйно поросшим до дикости садом. С другой стороны – высокий каменный забор вполне респектабельной усадьбы. Заканчивался этот проулок тупиком. Наглядное пособие пропасти между низшими и высшими классами.

– Я – Борат, сын Илигана, – сказал долговязый. – А это Сил и Сул. Нас за тобой барон послал.

– Себя можешь не называть, мы в курсе, что ты немая и тебя зовут Ликандра, – вмешался один из близнецов, нетерпеливо подпрыгивая на месте.

Борат кивнул, подтверждая слова друга:

– Да, нас Зельда насчёт тебя просветила. Но мы хотели кое-что с тобой обсудить, пока ты нос выше неба не успела задрать.

Значит, всё-таки Илиган послал, я оказалась права. И насчёт сына тоже.

– Что бы ты себе там ни напридумывала, знай, что в цирке тебе не место, если у тебя нет талантов, – затараторил второй близнец. – Если тебя и оставят, то только в качестве новой Зельдиной зверушки.

О, как. Выходит, моё возвращение в цирк – полностью заслуга Зельды.

«Новую зверушку себе завела», – именно так говорил Илиган вчера.

Видимо, деревянная гадалка сумела найти рычаги воздей-

ствия, надавила и добила-таки своего. Хотя не удивительно, она же его мать.

– Но я хотел, чтобы ты кое-что сразу уяснила, – Борат посмотрел на пакет и шумно сглотнул слюну. – С этого момента, ты будешь отдавать нам всё, что тебе дают.

Ясно, значит, и рэкет в копилочку.

Ну да, ну да... Расчёт был прост – их трое, я одна. Немая девчонка, шуганул – и всё сама отдала. А в случае чего и рассказать ничего никому не сможет.

Я аккуратно поставила пакет под куст за своей спиной и с вызовом отрицательно покачала головой. Илиган звал меня, желая увидеть растерянного и сломленного ребёнка, чтобы и дальше об меня кулаки чесать в случае плохого настроения. Плавали, знаем таких.

А я собиралась прийти с гордо поднятой головой и пакетом плюх, чтобы сразу понял, не пропала без него. Нуждаюсь в помощи, но не беззащитна.

– Чего-чего? – рассмеялся Борат, и братья-близнецы ему заворили. – Что-то слишком тихо говоришь, не слышу-у! – напоказ громко закончил он.

Я подбоченилась, гордо вскинула бровь и измерила задирю презрительным взглядом. Всем своим видом я давала понять этому долговязому паршивцу и его прихлебалам, что выслуживаться перед ними не намерена.

Борат был выше меня почти на две головы. Щуплый, ещё несуразный, но при этом в нём уже чувствовалась набираю-

щая мощь мужская сила – здоровенный парняга вырастет. Но и я сдаваться не собиралась: трусишь, поклонись раз, всю жизнь потом кланяться придётся.

Лучше сейчас пару синяков получить и отвоевать себе место под солнцем.

Паренёк удивлённо смотрел на меня и топтался на месте, не зная, что делать дальше. Словно до сих пор ещё ни разу не получал отпора.

«Охо-хо, дорогуша, – мысленно ухмыльнулась я, – это ты ещё не знаком с людьми, выросшими в дикой русской провинции. Особенно в лихие девяностые, когда взрослые бились насмерть в переулках, а дети в школах. Тогда любая школа была, как сплошной класс коррекции. Девочка-отличница с битой в руках на разборках за школой – вполне распространённое явление было. Главное, чтобы учителя не спалили».

В моём же городишке, словно в издёвку, ещё и Детский творческий центр располагался за железнодорожным пустырьём и громадным гаражным кооперативом. Осенью и зимой, когда рано темнеет, мне приходилось топать из центра обратно домой по этим глухим и до мурашек хоррорским закоулкам.

Густые дебри с рыскающими по ним оголодавшими стаями собак. Злобно рычащих, скалящих пасти и истекающих слюной при виде всей такой аппетитной меня. Ядрёные матерные пьяные возгласы каких-то бродяг возле распахнутых

гаражей, весело звенящих бутылками и стаканами.

Темнота, и вдали волки воют...

И через это всё шагаю я, этакая девочка—свиристелочка, с большими бантами на жиденьких косичках и в белых ажурных гольфах до костлявых колен.

«Тра-ля-ля, тра-ля-ля», — ещё и напеваю, чтобы не так страшно было...

М-м, чувствуется, да? Прям-таки до розовых соплей ванильная мечта педофила...

Но ничего, выжила. И даже без травмирующих детскую психику моментов обошлось.

Собачки были прикормлены специально для этих целей припасаемыми бутербродами. Грозные вожаки стай обозваны Бобиками, Полканами и Чернышами. Собаки верно встречали меня за моим домом, провожали до самого центра и обратно, передавая от стаи к стае.

Незнакомцы не решались подходить к девочке, идущей в окружении дикой собачьей своры: псы скалились и угрожающе рычали.

Всегда молодые-пьяные маргиналы оказались вполне обычными работягами, отдыхающими возле своих гаражей после смены на заводе. Они вразнобой уже привычно со мной здоровались и наказывали сразу бежать к ним, «ежели шо».

Мол, защитят и всё такое. Но я и к ним-то всё равно старалась близко не подходить. Лишь вежливо здоровалась из-

далека, обходя по кривой дуге.

Эти же работяги показали мне основные болевые приёмы противодействия преступным намерениям всяких подозрительных личностей.

Показывали они их исключительно друг на друге, смешно шатаясь и падая. К слову сказать, знания, полученные в тех дебрях, не единожды спасали мне жизнь и помогли защитить девичью честь до первого замужества.

За что тем мужикам большой респект и уважуха.

Хорошие времена были, да. Слава Богу, что прошли.

А сейчас передо мной стоял зарвавшийся баронский сынок и пытался запугать. Он нахмурил брови, сжал кулаки и грозно расправил костлявые плечи, чтобы казаться больше.

– Отдай пакет, – нарочито низким голосом прогнусавил он.

«Ой, всё, сейчас умру от страха. Бегите, мамо, к соседке за каплями, – мысленно фыркнула я. – Ладно, на первый раз ничего ломать ему не буду. Но проучить немножко следует».

Я стремительно сделала пару шагов к нему, повернулась вокруг себя, чуть присела и, сцепив руки в замок, резко вытолкнула правый локоть назад.

Удар настиг цель.

Получив по причиндалам, Борот рефлекторно согнулся и схватился за них руками. В тот же момент ему прилетел мой кулак в лицо, ровнёхонько в нежное место под нос. Парень взвыл и схватился теперь уже за разбитую носопырку. От

неожиданности и боли слёзы брызнули у него из глаз.

Я снова крутанулась, уходя из зоны досягаемости, и приняла оборонительную позу: устойчиво расставив ноги, прикрывая кулаками лицо и цепко следя за близнецами.

Сил и Сул выглядели растерянными и не спешили идти другу на помощь. На их глазах авторитет предводителя был низвергнут, и власть стремительно менялась, чего никогда не случалось прежде.

И они просто не знали, как себя вести.

Внезапно один из них отмер, посмотрел мне за спину и принялся тыкать туда пальцем, вытаращив глаза:

– Там... там... Обернись!..

Я ухмыльнулась: меня такими детскими штучками не возмёшь. Ничего там нет.

Обернусь, и они скопом на меня навалятся. Ну уж нет, даже шанса не дам. Но теперь вся троица пялилась мне за спину и синхронно хлопала ртами.

Сзади хрустнула ветка, и раздалось тихое рычание, от которого мурашки дикими табунами поскакали по спине. Вот теперь мне точно не хочется оборачиваться.

Нижней чакрой чую, что это не Бобик.

– Не двигайтесь, – прошипел Борат.

Зря он вот это сказал, ой, зря. Теперь меня было не остановить, голова тут же сама стала поворачиваться против воли. Я медленно обернулась и заледенела от ужаса: со стороны лачуги из кустов выходили три...

– Адские гончие!!! – взвизгнули близнецы и рванули прочь из проулка.

Глава 6

Именно они.

Точнее названия для этих тварей и не подберёшь. Размером с телёнка, лысые, они будто были давно мертвы, но неведомый злодей поднял их полуразложившиеся тела и отправил на охоту. Плоть лоскутами свисала с рёбер, сквозь которые било ядовитое свечение. Им же мерцали пустые глазницы и оскаленные пасти.

– Вот идиоты... – сквозь зубы прошипел Борат. – Это ищейки Инквизиторов. Нужно показать им свою магию, и они отстанут.

Две гончие задрали вверх головы, издали леденящий вой и азартно ринулись из переулка за мальчишками. Третья «псина» приближалась ко мне.

«Показать магию?! Действительно, делов-то! Если бы не одно маленькое «но» – как раз её-то у меня жёсткий дефицит! Всё, мне конец...» – я просто стояла и глядела, как моя Смерть надвигается на меня.

В следующее мгновение Борат сделал то, после чего я его сильно зауважала. Он резко шагнул ко мне, схватил за руку и дёрнул, рывком отправляя к себе за спину.

Мужи-и-ик...

Гончая недовольно зарычала и яростно щёлкнула клыками, припадая на передние лапы для атаки. Ей явно не понра-

вилось, что жертву стащили из-под носа. Мне казалось, она не сводит с меня глаз, если их так можно назвать.

Мир вокруг меня почернел. Из него буквально выкачали все краски, оставив только серые и чёрные тона. Я отчётливо увидела зеленоватое свечение, коконом окутывающее эту тварь, а рядом с собой ярко-оранжевое, охватывающее Бората.

Гончая повернулась на него, Борат вытянул перед собой правую руку ладонью вверх, и над ней в воздухе появился огненный шар. Снова недовольно заворчав, тварь потеряла к нему интерес и уставилась на меня.

Не соображая, что делаю, я пальцами словно «отщипнула» кусочек свечения от кокона Бората, зажала в руке и вытянула её перед собой, повторяя жест паренька. Когда я раскрыла ладонь, над ней тоже повис огненный шар.

Адская гончая развернулась и завывала. Недалеко ей нестройно ответили две глотки. Тварь бросилась прочь из проулка. Я вздохнула с облегчением и опустила руку. Шар тут же исчез.

Меня потряхивало: это что сейчас вообще такое было?!

– Ого, не знал, что ты тоже огневик. Зельда сказала, что у тебя почти нет магии. А ты вроде ничего, почти как я. Ладно, пошли, отец не любит ждать.

Я кивнула, трясаясь и щёлкая зубами с нервов. Подняла свой бумажный пакет с булками и пошла за Боратом. Он шмыгнул носом, утёр текущую из носа юшку и хмыкнул:

– А ничего ты меня так приложила. Не ожидал от такой малявки, – немного помолчал и, будто стесняясь, спросил: – Научишь?

«Ты тоже ничего, – хотелось мне ответить ему. – Зря я тебя с бароном сравнивала, совсем на него не похож. Если только внешне чуть-чуть», – а вместо этого улыбнулась и кивнула в ответ. Немного поразмыслив, достала из пакета плюшку и вручила ему.

Борат взял и улыбнулся. Кажется, у меня появился друг. Мир-дружба-булка, ура.

Сил и Сул обнаружили на дереве к выходу из города. Вернее, обнаружил их Борат. Я же обратила внимание только на раскиданную по обочине одежду. Вещи лежали странно – цепочкой. Словно до этого они сохли на верёвке, а потом эту верёвку кто-то художественно спёр. И бельишко осталось брошенным, за ненадобностью.

Борат собрал одежду в кучу и перетянул её штанами одного из близнецов, соорудив таким образом удобный для ношения куль. Затем он подошёл к дереву и сказал:

– Спускайтесь, трусишки, гончие уже убежали.

Я всматривалась в крону дерева, но, хоть убей, не видела там мальчишек. Ветви закачались, листья зашуршали и на руки Борату прыгнули два хорька. Нет, не они. Скорее ласки. Хотя, те же вроде бы белые, да? А эти гибкие зверьки были красивого серого цвета.

Ой, ну, не сильна я в биологии, чего греха таить.

– Сил и Сул – перевёртыши. Они норки, – сказал Борат, заметив мой удивлённый взгляд.

«Оу, так вот вы какие, шубы дорогушие...» – я протянула руку и попыталась погладить одного из близнецов, но зверёк оскалил вполне острые зубки.

Ой, ну и ладно. Но всё равно милота! Маленькая злобная милота.

Кто такие перевёртыши, я знала ещё со времён школьного кружка по славянскому фольклору. Мы там не только русские-народные пели, но и сами костюмы себе шили. А наш преподаватель, как истинный патриот своего дела, во время этих пошивочных работ развлекал нас всяким славянским эпосом.

Особенно нам нравилось про нечисть всякую слушать.

Вот по этим байкам и выходило, что в зверей на Руси-матушке обращаться могли многие: ведьмы, колдуны и люди, этими самыми ведьмами-колдунами проклятые. Если последние делали сие грязное дело сугубо в полнолуние и против своей воли, то ведьмы с колдунами уже сами, по своей воле, но тоже ночью.

Однако существовал, как говорил препод, ещё один вид нечисти – перевёртыши. В целом люди как люди.

Жили в деревнях, честной народ не губили, но нет-нет да и любили в звериной шкуре по лесу побегать. Самое интересное, что могли они это делать в любое время суток и фазу Луны. Другими магическими способностями перевёртыши

вроде бы не отличались и в качестве бонуса сохраняли человеческое мышление в зверином облике.

– Поэтому, – вещал нам преподаватель, пока мы честно кололи себе иголками пальцы и вышивали кривенькие узоры, – если вдруг вы потерялись в лесу, а дорогу вам поможет найти какой-нибудь зверь, знайте, вам повстречался, самый что ни на есть, всамделишный перевёртыш.

Мы с девчонками хихикали и фыркали: «Враки всё это!», но старик был непреклонен.

– Сам видел, – говорил, – когда совсем пацаном по Сибири с бойцами Красной армии в качестве собирателя этнического эпоса ездил. После революции дело было. Приехали мы по наводке в одну деревню. Из соседней деревни на них кляuzu настрочили, де, тёмными делишками жители промышляют. Так вот, приехали. По деревне на лошадях едем, деревня как деревня. Петухи орут, коровы мычат, ребятня чумазая голозадая возле дворов бегают. Командир к старосте, а я по домам к старухам, сказки да былины записать в тетрадку. Захожу в один двор, вижу, пацанёнок стоит, лет тринадцати-четырнадцати. Испугался он, сиганул в сторону. Да так ловко в воздухе перевернулся! Я даже удивиться не успел, как вместо него волк на землю приземлился. Стоит серый, смотрит на меня. Глазищами своими зелёными так и блещет, так и блещет! В самую душу мне заглядывает. Струхнул я тогда, убежал... А после интересно стало, захотел снова в ту деревню съездить. Волк-то тот мне ниче-

го не сделал. Да и был ли волк, али привиделось? В общем, напросился я с отрядом опять в ту деревню. Но то ли командир слишком сильно старосту застрашал, то ли сами они так рассудили, да только приехали мы в деревню, а там нет никого. Вернее, были: куры по улицам шарахались, коровы да свиньи за околицей сами по себе бродили. А в домах пусто. Будто собрались люди разом, скотину со дворов повыгоняли, всё бросили и ушли в неизвестном направлении. Мы потом часто по пути такие пустые деревни находили. Командир отписывался в Москву, что, мол, холера и ящур всех выкосили. А какая же зараза, если тел-то нет? Вот так вот, девоньки, я целую деревню перевёртышей и профукал. До сих пор жалею, что струсил тогда...

Я в то время думала: сказки! Хочет препод нас удивить, басни рассказывает, чтобы не гомонили.

А вот, погляди-ка, выходит, была та деревня, и перевёртыши были...

Я достала из пакета по плюхе и вручила зверькам. Те мигом сменили гнев на милость и уморительно завопили на руках у Бората, чтобы устроиться поудобнее, и не выронить угощение.

У-у!.. Хочу потискать!.. Но я себя сдержала. Если снова представится такая возможность, то я её уже ни за что не упущу.

Борат зашагал впереди, а я еле поспевала за ним, ковыляя в своих ботинках-лыжах. Сунула в пакет нос: всего половина

осталась! Но ничего, хватит Илигану и этого. Под ложечкой неприятно сверлило: а вдруг не для того барон зовёт, чтобы при цирке оставить? От страха вдобавок к головной боли стало мутить. Не хватало ещё в обморок перед этим рогатым грохнуться! Я с трудом переборола тошноту, чувствуя, как от нервов меня начинает колотить.

В наступающих сумерках цирк окрасился огнями. Над главным шатром крупной надписью сияли огненные буквы: «Цирк семьи Гатаканати».

А ничего так, вычурненько. С первого раза и не разберёшь. А если и разберёшь, язык сломаешь произносить.

Пространство вокруг тоже изменилось. Прямо над головами посетителей в воздухе летали разноцветные шары, освещая небольшую ярмарку со сладостями и аттракционами. Жонглёры и фокусники разогревали публику перед началом представления. Я повертела головой и увидела автоматон с Зельдой. Отделилась от ребят и поспешила к ней. Ничего страшного, подождёт барон ещё немного.

– Нашлась, красота! – обрадовалась мне гадалка. – А я уже распереживалась, места себе не находила.

– Угу, – недовольно поморщился Борат, – чуть из коробки своей не выскочила, требовала тебя найти. Отца шантажировала...

– А ну, цыц! – грозно прикрикнула на него Зельда. – Будешь здесь ещё бабушку родную сдавать..

Я улыбнулась: даже так? Шантажом Илигана взяла? Ой,

как приятно-а...

– Ты говорила, что Ликандра без магии. А она – огневик, как и я, – обиженно насупился Борат.

Зельда проигнорировала его замечание, чуть подалась вперёд, разглядывая норок у него на руках. Зверьки притихли и попытались прикрыться от неё остатками плюшек.

– Это что ещё такое?! Вы в каком виде?! У них скоро выступление, а они с меховыми задами здесь щеголяют! А ну, марш привести себя в порядок! – грозно гаркнула на них кукла. – И ты тоже! Ишь, чего удумал, Лика – огневик! Расскажи мне тут басни, а то я не знаю.

– Ба, я правду говорю! – возмутился парень, шмыгая разбитым носом. – Адские гончие когда из кустов выскочили, я – раз!.. И она – раз! Честное слово!

Я активно закивала, подтверждая слова Бората.

– Инкубушки-суккубушки мои! – ахнула Зельда, разглядев опухший нос внука. – А с лицом-то у тебя что? Ты где так умудрился?!

Упс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.